

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ СИНОНИМИЯ И ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Среди трудностей перевода художественных текстов, в частности поэтических произведений, следует выделять сложности частного и общего характера. К первым относятся прежде всего особенности идиостиля писателя — наличие в тексте авторских неологизмов, элементов языковой игры. Вторую группу составляют такие трудности, которые обусловлены расхождениями языковых систем оригинала и перевода — избыточностью и недостаточностью одного языка относительно другого, различающимся узусом того или иного слова, его коннотативной окрашенностью в одном языке и нейтральностью в другом. Как частные, так и общие причины приводят к неизбежным лексическим трансформациям, вносящим в текст дополнительные смыслы, а значит, и изменяющим облик переводимого автора.

Материалом для изучения того, каким трансформациям, связанным с проблемой межъязыковой синонимии, может подвергаться семантика оригинала, служит сопоставление разных переводов одного произведения. Обратимся к анализу стихотворения В. С. Высоцкого «Кони привередливые» (1972) [1; 62—63] и его переводам на польский язык.

Данное стихотворение переводилось на польский язык неоднократно В качестве наиболее известных назовём переводы Я. Чопика-Лежаховского [2], А. Осецкой [3], П. Оркиша [4], Г. Вишневого [5], Р. Колаковского [6], Ю. Вачкува [7] В. Баяка [8], Б. Бзденги [9]. Кроме того, существует около десятка анонимных переложений [10].

Остановимся на рассмотрении того, как в различных переводах передаётся ряд лексем, являющихся ключевыми в поэтике стихотворения В. Высоцкого. Такими стержневыми словами в тексте оригинала, на наш взгляд, выступают, во-первых, лексемы, формирующие особое художественное пространство (экзистенциальное пространство, в центре которого находится край пропасти, олицетворяющий собой границу между бытием и небытием), во-вторых, языковые единицы, передающие внутреннее состояние лирического субъекта.

Центральными лексемами при описании пространства стихотворения выступают слова *пропасть* и *край* («Вдоль обрыва, по-над **пропастью**, по самому по **краю**...») — ключевые не только в поэтике данного текста (ср. высказывание В. С. Высоцкого: «Я стараюсь выбирать для своих песен людей в самой крайней ситуации. Вот если говорить о символе всех этих песен, — то это „Вдоль обрыва, по-над пропастью...”»).

Во всех рассматриваемых переводах, за исключением вольного переложения А. Осецкой, лексема *пропасть* лексически точно переведена словом *przepaść*. Следует однако отметить, что слова *пропасть* («...по-над пропастью...») и *пропадать* («...пропадаю, попадаю!»), соотносясь на морфемном уровне, семантически связывают первый и четвёртый стихи

оригинала. Приём паронимической аттракции, используемый В. Высоцким, актуализирует семантику гибели, сохраняющуюся в слове *propaść* на этимологическом уровне (ср. польский фразеологизм *na skraju przepaści* ‘на краю гибели’). Данный приём наиболее полно передан в переводе Я. Чопика-Лежаховского: «*W dół urwiska, gdzie przepaści brzeg... / ...i przepadam, i przepadam*». В варианте В. Баяка семантическая связь первой и последней строк отчасти сохраняется за счёт повторения в последней строке слова «*przepaść*» («*W dół obrywu ponad przepaścią... / Przepaść ciągnie mnie wciąż bliżej...*»), а паронимическая аттракция компенсируется в другом фрагменте строфы (*ciągnie... wciąż bliżej*). В остальных переводах лексическая взаимосвязь первого и четвертого стихов отсутствует.

Слово *kraj*, которое в оригинале произведения встречается в первой строке («*по самому по краю*») и повторяется в рефрене («*постою на краю*»), обеспечивая тем самым лексико-тематическое единство текста, получает в переводах различное воплощение, что связано с проблемой межъязыковой синонимии. С одной стороны, это обусловлено лексической избыточностью (наличием нескольких эквивалентов этого слова в польском языке: *brzeg* ‘край, берег, кромка’, *kraniec* ‘окраина, край, оконечность’ *krawędź* ‘край, ребро’, *skraj* ‘край’, а также архаичного *kraj* ‘край’ [11; 71, 263, 264, 618]), с другой — стремлением переводчиков реализовать разные оттенки значения слова *kraj*, употреблённое в оригинале произведения. Так, в переводах В. Баяка и П. Оркиша в рефрене употреблено слово *krawędź* («*Choć przez chwilę jeszcze na krawędzi chcę tkwić*» [8], «*choć przez chwilę mi tylko na krawędzi tkwić*» [4]), в первой же строке — *brzeg* («*W dół obrywu ponad przepaścią po samym jego brzegu*» [8], «*Wzdłuż urwiska, nad przepaścią po samym jego brzegu*» [4]), только в третьем значении синонимичной слову *krawędź*. В переводе Я. Чопика-Лежаховского лексема *kraj* передана словами *brzeg* («*W dół urwiska, gdzie przepaści brzeg...*») и *kraniec* («*choć na chwilę, na chwiejnym krańcu skał będę stał*») [2].

Лексика, передающая внутреннее состояние лирического субъекта, в наибольшей мере связана с выражением прагматических смыслов оригинала. Оценка лирическим героем заглавного образа стихотворения передана эпитетом *привередливые*, который используется в названии, а также повторяется в рефрене («*Что-то кони мне попались привередливые...*»). Прилагательное *привередливый* переводится на польский язык лексемами *kapryśny* ‘капризный (ребёнок, характер, погода)’, ‘своевольный, своенравный, причудливый (человек)’, *narowisty* ‘горячий (напр. лошадь), норовистый (лошадь), с норовом (лошадь)’ и *wybredny* ‘разборчивый, привередливый, прихотливый’.

В переводах заглавия в одних случаях данный эпитет передан прилагательным *narowisty*, что обусловлено как лексической сочетаемостью, так и определённой традицией (причём переводчики сохраняют авторскую инверсию в заглавии: «*Konie narowiste*») [4, 5, 6, 9], в других опущен: «*Konie*» [2, 3, 7, 8]. Опускание эпитета лишает заглавный образ авторской оценки, изменяя тем самым прагматику текста.

В рефрене стихотворения эпитет *привередливые* (а следовательно, и оценка лирическим героем образа коней), передаётся по-разному. Так, в переводе П. Оркиша использовано прилагательное *narowisty* («*Ale konie narowiste przeznaczył mi los*»), коррелирующее с заглавием [4]. Тот же эпитет мы видим в переводах Ю. Вачкува («*Ach, co za konie narowiste, nie słuchają mnie...*») [7] и Р. Колаковского («*Takie tam konie narowiste, jakie sam wybrałem*») [6]. В переводе Чопика-Лежаховского кони называются такими же «капризными» (*kapryśne*), как сама судьба («*Ach, co za konie los mi zdarzył, jak los kapryśne sam*»), что в наибольшей мере соответствует оригиналу [2].

В переводе Б. Бзденги эпитет *привередливые* передан словами *nazbyt dzikie* ‘слишком дикие’ («*Ale te konie nazbyt dzikie, pędzą niczym wiatr*») и *rącze* ‘резвые’ («*Czemuż tak galopujecie, rącze moje konie?*») [9]. В последнем случае мы видим положительную оценку образа коней, которой не находим в оригинале стихотворения.

Характеристика заглавного образа выражена в переводах также с помощью перифраз: *rwą niezdyscyplinowanie* ‘рвут недисциплинированно’ («*No co za konie diabeł mi zesłał rwą niezdyscyplinowanie*») [8], *jakby w nich palił ktoś* ‘словно их разжигал кто-то’ («*Cóż mi za konie los nadarzył, jakby w nich palił ktoś*») [3]. В последних случаях наблюдается наиболее существенное отступление от семантики и прагматики оригинала.

Состояние лирического героя, находящегося на пороге смерти в оригинале стихотворения наиболее ярко передаётся посредством оксюморона *гибельный восторг* («*Чую с гибельным восторгом: пропадаю! Пропадаю!*»). Лексически точно лексема *восторг* передана в переводе Р. Колаковского (*I z zachwytem dzikim wołam: nie przeżyję! Nie przeżyję!*), однако эпитет *dziki* (*дикий*) лишает текст перевода той трагичности, которая свойственна оригиналу [6]. Близок к оригиналу и перевод Я. Чопика-Лежаховского, в интерпретации которого лирический субъект «чувствует *гибели* зов с *восторгом*» («*Czuję zagłady zew w zachwycie — i przepadam, i przepadam*») [2]. Принципиально иное состояние лирического субъекта выражено в переводе П. Оркиша, где вместо словосочетания *гибельный восторг* употреблено *смертельная тревога*: «*I w śmiertelnej trwodze czuję, że już po mnie! — Odejść muszę*» [4]. Отсутствие приёма оксюморона в переводах В. Баяка, Б. Бзденги и Ю. Вачкува лишает стихотворение В. Высоцкого определённых прагматических смыслов.

Наряду с явлением лексической синонимии, следует сказать о синонимии грамматических форм. Так, объективную сложность перевода представляет наличие в польском языке трёх вариативных форм множественного числа слова *anioł* (*ангел*) — вещно-женской (*anioły*) и двух лично-мужских (*anieli, aniołowie*). В переводах мы встречаем использование как неличной формы («*Lecz czemu anioły nucą takimi złymi głosami?*» [8], «*Czy to anioły słyhać już, jak bezradośnie mi śpiewają?*» [3]), так и личных («*Ale czemuż to anieli krzywo na nas spoglądają?*» [4], «*Tylko czemu aniołowie mają głosy takie groźne?*» [5]), что вносит в стихотворение дополнительные прагматические смыслы, не заложенные в оригинале произведения.

Таким образом, проблема межъязыковой синонимии при переводе сводится, как правило, к выбору из нескольких лексических и грамматических эквивалентов наиболее адекватного — такого, который в наибольшей мере соответствует семантике, прагматике и стилистике оригинала. Это требует от переводчика верного вычленения в тексте его семантических доминант. Объективные трудности художественного перевода оказываются, таким образом, связанными с субъективными — в первую очередь с творческой интерпретацией переводчиком текста оригинала.

Список использованной литературы

1. Высоцкий, В. Собрание сочинений : в 4 т. — Т. 2. Песни. 1971—1980. — М.: Время, 2009. — С. 62—63.
2. <http://www.wysotsky.com/1045.htm?52>.
3. <http://www.wysotsky.com/1045.htm?491>.
4. <http://www.wysotsky.com/1045.htm?308>.
5. <http://www.wysotsky.com/1045.htm?77>.
6. <http://www.wysotsky.com/1045.htm?329>.
7. <http://www.wysotsky.com/1045.htm?507>.
8. <http://www.wysotsky.com/1045.htm?399>.
9. <http://www.wysotsky.com/1045.htm?435>.
10. <http://www.wysotsky.com/1045.htm?0&a=52>.
11. Wielki słownik polsko-rosyjski. — Warszawa : Wydawnictwo PWN. — 2005. — 924 s.

Источник:

Пелихов, Д. А. Межъязыковая синонимия и проблемы художественного перевода // Наука ЮУрГУ: материалы 63-й научной конференции. секции социально-гуманитарных наук: в 3 т. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011. — т 3. — С. 75—79.